

УДК 398.224(=512.153):81'367.63
DOI 10.25587/SVFU.2019.16.44319

М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

ПОСЛЕЛОГ КÖРЕ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ (на материале хакасского героического сказания «Албынчы»)

Аннотация. В настоящей статье ставится целью анализ и описание со структурно-семантической и когнитивной точек зрения деепричастной формы базового глагола зрительного восприятия *kör-* «смотреть; видеть», действующего в качестве послелога в тексте хакасского героического сказания «Албынчы». Материалом для исследования послужили извлечённые методом сплошной выборки из текста героического сказания «Албынчы» примеры с послелогом *köre*, где он реализуется в ранее не зафиксированном в хакасском языкознании значении движения субъекта по направлению к кому/чему-либо. Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью внутреннего и внешнего содержания данного послелога, как языкового знака. В Грамматике хакасского языка отмечено, что он управляет дательным падежом имён и местоимений; выражает уподобительные и причинно-следственные отношения. Функционально-семантический и когнитивный анализ фактического материала показал, что в тексте героического сказания «Албынчы» послелог *köre* имеет свои особенности, а именно: а) согласуется с именами в форме винительного падежа (а не дательного падежа, как отмечается в Хакасско-русском словаре); б) указывает на направление движения субъекта (а не уподобительные и причинно-следственные отношения, как отмечается в Грамматике хакасского языка). Данный факт подтверждается тем, что во всех предложениях процесс выражается глаголом со значением движения. Новизна проведённого исследования заключается в том, что на основе вводимого в научный оборот богатого иллюстративного материала впервые в хакасском языкознании выявлены и описаны дополнительные семантические и сочетаемые компоненты в содержании послелога *köre*, тем самым оно даёт более обширное и разностороннее представление о хакасских послелогах на синхронном уровне. Проведённое исследование перспективно в том плане, что оно открывает новые возможности для лингвистического и текстоцентрического анализов отдельных языковых элементов и категорий на материале героических сказаний с целью раскрытия их семантических и лингвокультурологических аспектов.

Ключевые слова: героическое сказание «Албынчы», контекст, послелог *köre*, движение, функционирование, семантика, субъект, богатырь, объект, хакасский язык.

М. Д. Chertykova, A. D. Kaksin

Postposition *köre*: semantics and functioning (based on the material of the Khakas heroic legend *Albynch*)

Abstract. This article aims at analysis and description from the structurally-semantic and cognitive points of view of the participial form of the basic verb of visual perception of the verb *kör-* “look; see”, acting as a postposition in the text of the Khakas heroic legend *Albynch*. The material for the study was the examples extracted from the text of the heroic legend *Albynch* from the text of the postposition *köre*, where it is realized

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Institute for Humanities and Sayan-Altaic Turkology, N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: chertikova@yandex.ru

КАКСИН Андрей Данилович – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

KAKSIN Andrey Danilovich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute for Humanities and Sayan-Altaic Turkology, N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

in the previously unrecorded in Khakas linguistics meaning the movement of the subject towards something. The relevance of our study is due to insufficient knowledge of the internal and external contents of this postposition as a language sign. In the Grammar of the Khakas language it is noted that it governs the dative case of names and pronouns; expresses likening and causal relationships. The functional-semantic and cognitive analysis of the factual material showed that in the text of the heroic legend *Albynchy* the postposer *köre* has its own characteristics, namely: a) it is consistent with the names in the form of accusative case (not dative case, as noted in the Khakas-Russian Dictionary); b) it indicates the direction of movement of the subject (and not similar and causal relations, as noted in the Grammar of the Khakas language). This fact is confirmed by the fact that in all sentences the process is expressed by a verb with the meaning of movement. The novelty of the study is that, based on the rich illustrative material introduced into scientific circulation, for the first time in Khakas linguistics, additional semantic and compatibility components in the content of the postposition *köre* were identified and described, thereby it gives a more extensive and comprehensive view of the Khakas postpositions at the synchronous level. The study is promising in the sense that it opens up new possibilities for linguistic and text-centric analysis of individual language elements and categories based on the material of heroic legends in order to reveal their semantic and linguocultural aspects.

Keywords: heroic legend *Albynchy*, context, postposition *köre*, movement, functioning, semantics, subject, hero, object, Khakas language.

Введение

В настоящее время является важным и актуальным изучение различных фольклорных, в т. ч. эпических, жанров, что объясняется их значимостью и ролью в духовной жизни народов с древнейших времён вплоть до сегодняшнего дня. Героические сказания, как самые надёжные кладовые человеческой памяти, хранят в себе своеобразные, уникальные формы идейно-художественного воплощения исторического мировидения, накопленного многими поколениями человечества на протяжении тысячелетий. «Отражая в эпосе свой душевный склад, менталитет, традиционную систему ценностей, народ запечатлевал свое видение и понимание сути воспитания подрастающего поколения. При современных условиях мы не должны забывать об аксиологическом ядре и ценностных мотивах алыптыг ныхаха» [1, с. 87]. Из сказанного следует, что эпическое творческое наследие значимо и в настоящее время в деле воспитания молодёжи в духе патриотизма и любви к своей родине, в осознании себя как потомка великой и древней нации.

Один из классических памятников устной народной поэзии хакасов – «Албынчы» – записан хакасским учёным, педагогом Д. И. Чанковым в 1948 г. от знаменитого хайджы Семёна Прокопьевича Кадышева в деревне Трошкино Ширинского района и впервые опубликован в 1951 г. в сборнике «Алыптыг ныхахтар» (составители В. И. Доможаков и Д. И. Чанков) [2]. Как отмечает В. Е. Майногашева, героическое сказание «Албынчы» является «одним из лучших среди опубликованных эпических произведений хакасского народа» того времени [2, с. 79]. Семён Прокопьевич, как хранитель мудрого слова, знаний и мироощущений наших предков, запечатлённых в сказительском искусстве, унаследовал от своих предков, сказителей-импровизаторов, более сорока героических сказаний и передал их новому поколению. О значимости данного героического сказания В. Е. Майногашева пишет: «Героическое сказание доставляло и доставляет народу в прошлом и настоящем не только большое эстетическое наслаждение, но оно воспитывало и воспитывает в человеке лучшие качества – любовь к родине, к свободе и к своему народу» [3, с. 88].

Как известно, важным критерием при исследовании героических сказаний является литературоведческое осмысление образной силы и идейной направленности произведения. Однако не менее важно также изучение словесной оболочки фольклорных текстов, в рамках которого является лингвистический анализ разноуровневых языковых средств. В настоящей статье ставится целью анализ и описание со структурно-семантической и когнитивной точек зрения деепричастной формы глагола *kör*- «смотреть; видеть», используемой в качестве послелога в тексте героического сказания «Албынчы». Данный глагол в различных фонетических вариантах бытует и в других тюркских языках. «Общетюрк. глаг. основа, отмеченная, в частности, в вариантах *kör*- ~ *gör*- ‘видеть, смотреть, глядеть’, и подмечен целый ряд производных значений, в том

числе близких и тождественных тем, что отмечены у тувинского *көр-* ‘смотреть’ (ЭСТЯ III: 77-79)» [4, с. 246]. В хакасском же языке, в силу своей частотности, глагол *көр-* имеет переносные значения, касающиеся зрительной, ментальной, социальной сфер жизнедеятельности человека: «*көрерге (көр-)* 1) видеть; обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением что-л.; 3) присматривать, ухаживать за кем-л.; 4) испытывать, переносить, претерпевать, переживать что-л.; 5) сознать, понимать что-л.; 6) находить, считать кем-л., чем-л., принимать за кого-л.; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово (выражает иронию): *көріңердек се аны* посмотрите-ка на него; 9) вводное слово (обозначает источник высказываемой мысли; *мин көргенде* на мой взгляд» [5, с. 205-206]. Семантические, функциональные, когнитивные и лингвокультурологические характеристики глагола *көр-* «смотреть; видеть» описаны в работах М. Д. Чертыковой [6, 7, 8 и др.].

Послелог в тексте выполняют смысловую и грамматическую функцию при установлении взаимоотношений между управляющими и управляемыми компонентами предложения. Обычно они не действуют самостоятельно, а в сочетании с именами и именными формами глагола, при этом «сочетание *имя + послелог* представляет аналитическую форму, в которой препозитивный компонент является словом-основой, носителем реальной семантики, а постпозитивный компонент – формальным элементом, выразителем грамматических отношений» [9, с. 132]. В тюркских языках в качестве послелога употребляются наречия и деепричастия, частично или полностью теряя своё исходное значение. В современной лингвистической литературе имеется множество определений послелогов. Все они неоднозначны в вопросе разъяснения их грамматических функций, например, «послелог – это независимые вспомогательные слова, не имеющие собственного значения и похожие на окончания склоняемого имени существительного, которые стоят после существительных и зависящих от них слов, способствуют установлению смысловой связи между существительным или именной группой, после которых они стоят, и другими членами предложения и выражают такие значения, как место, направление, средство, причина» [10, с. 11]. В происхождении тюркских послелогов Х. В. Султанбаева рассматривает непосредственную связь со становлением агглютинативного строя тюркских языков, поскольку они «возникли из знаменательных частей речи путём их десемантизации и грамматикализации. Самый процесс этот, видимо, можно описывать как конверсию. И поскольку послелог характерен именно для грамматического строя, то само их появление в тюркских языках следует относить к периоду перехода тюркских языков от древнего изолирующего состояния к агглютинативному, когда наряду со становлением именного и глагольного словоизменения (склонения и спряжения), появился и особый класс слов для выражения смысловых и грамматических отношений между компонентами высказывания: пространственных, временных, причинных, целевых и т. п.» [11, с. 125-126]. В тюркских языках большая часть послелогов представляют собой застывшие деепричастные формы глаголов, полностью или частично утративших свои исконные значения, например: как.: *tüziре* «вниз» (от глагола *tüs-* «спускаться»), *арали* «сквозь; через» (от глагола *арала-* «смешивать; перемешивать»), *ибіре* «вокруг» (от глагола *ибір-* «окружать») и т. д.; тув.: *чедир* «до» (от глагола *чедирер* «доводить; довозить»); *кежир* «поперёк» (от глагола *кежирер* «переплавлять») и т. д.

Көре как послелог и как деепричастие

Предмет нашего исследования – хакасский послелог *көре*, образованный от общетюркского глагола *көр-* / *көр-* / *гор-* / *кёр-* «смотреть» – действует и в некоторых других тюркских языках, например, в алтайском языке *көрө* имеет значения: «по сравнению», «глядя на...», «смотря на...», «сообразно с...». В сочетании с именами *көрө* управляет дательным-направительным падежом и выражает эталон сравнения в сравнительных конструкциях. Например: *Јергелейге көрө кичинек сыйны Клара сүрекей чыйрак, шулмус* (ЛК, АК, 248) ‘По сравнению с Дьергелей младшая сестра Клара очень шустрая, боевая’. *Сырсақ, чичке Павловко көрө айу ошкош жоон, течпек Самтар эмди отурган улустын көзине болужы јок, кичинек кижидий отурды* (ЛК, АК, 174) [12, с. 487]. ‘По сравнению с худощавым, тонким Павловым, толстый, жирный Самтар сидящим людям показался беспомощным, маленьким человеком’ [12, с. 487]. В турецком же языке послелог *göre* является частотным и употребляется в значениях: согласно (чему-л.), сообразно, в соответствии (с чем-л.), по, соответственно (чему-л.), судя (по чему-л.),

сравнительно, в сравнении (с чем-л.), в зависимости (от чего-л.) {...} [13, с. 347]. К приведённым межтюркским эквивалентам рассматриваемого послелого семантически близок *körä*, зафиксированный в Древнетюркском словаре: «согласно, соответственно: *ögütügä körä qildī* он поступил согласно его совету (ЛОК 37 6)» [14, с. 317]. Хакасский вариант данного послелого в Хакасско-русском словаре (далее – ХРС) представлен как самостоятельная лексическая единица: «**көре** послелог 1) следуя кому-л., чему-л.; из-за; *аргызыма көре, үгрөнчөм* ‘учусь, следуя товарищу’; *сагаа көре иттīm* ‘следуя тебе [я] сделал’; 2) по с дат. п.; *тогысха көре, төлөпчелер* ‘платят по результатам работы’; 3) за; *сини көре, парча* ‘следует за тобой’» [5, с. 205]. Следует отметить, что в хакасском языке *көре*, в качестве как деепричастия, так и послелого, употребляется редко, возможно, по этой причине, он не нашёл отражения в системном описании пространственных послелогов в монографии А. Н. Чугуновой «Категория пространства в хакасском языке» [15].

В хакасском языке слитное деепричастие на *-а* обозначает «действие, одновременное с действием главного глагола, более тесно связанное с ним, нежели одновременное действие, выраженное деепричастием на *-ыл*» [16, с. 240]. При этом деепричастие *көре* обычно реализуется в составе сложного слова: *көре-тура* «зная; несмотря на то, что...; букв. смотря-стоя». *Өкiс оолның чуга чуртапчатханын көре-тура, пай нинче пар аң-хузын албан тiп алчададыр* [17, с. 15] ‘Несмотря на то, что парень-сирота жил плохо, богач отбирал, как дань, всю [его] добытую пушнину’ [пер. наш]. *Аңчылар, аның iди агырчатханын көре-тура, саналарын тасти, наныбысханнар* [17, с. 38] ‘Несмотря на то, что он так сильно болел, охотники ушли домой, разбросав [свои сани]’ [пер. наш].

Как видим, в подобных предложениях зависимая часть, сопровождаемая деепричастием *көре-тура*, выражает осуждение действий субъекта со стороны говорящего (наблюдателя). Также деепричастие *көре* употребляется в сочетании с ограничительной частицей *ле*, при этом «обозначает действие, после которого немедленно совершается действие основного глагола» [16, с. 240]. Примеры: *Харолны көре ле, суртыр: – Ноо ниме кирек? Нимее кiрдiң?* [17, с. 74] ‘Как только увидел Харола, спросил, оказывается: – Что тебе надо? Зачем зашёл?’ [пер. наш]. *Ахтарны көре ле, тизе ойлап сыххан* [17, с. 99] ‘Как только увидел белых, стал удирать’ [пер. наш].

В Грамматике хакасского языка отмечается, что *көре* в качестве послелого управляет дательным падежом имён и местоимений; выражает уподобительные и причинно-следственные отношения: *Ікiнчi солдат пірсiне көре сугаох сом сыххан* (фольк.) ‘Второй солдат, глядя на первого, тоже полез в воду купаться’. *Сагаа көре мин дее наныбысхам* ‘Из-за тебя и я вернулся домой’ [16, с. 259]. Однако, на материале героического сказания «Албынчы» [18] послелог *көре* используется в сочетании только с существительным и исключительно с аффиксом винительного падежа и указывает на направленность действия, в частности, движения субъекта. При этом действие обозначается глаголом, обозначающим движение «туда» и «сюда», например, *пас кил-* «подойти», *ин-* «спускаться (с горы)», *кил-* «приходить», *ойла-* «бежать», *айлан-* «возвращаться» и т. д.

Функционирование послелого *көре* в тексте

Послелог *көре* со значением пространственного направления впервые нам встречается в тексте героического сказания «Албынчы» [18], откуда методом сплошной выборки мы извлекли более 30 примеров. В ходе функционально-семантического анализа фактического материала мы обращали особое внимание на «окружение» исследуемого объекта, которое позволяет определить специфические оттенки его когнитивно-дискурсивной семантики. В контекстах *көре* в качестве послелого сочетается только с существительными в форме винительного падежа, их наиболее приемлемый перевод на русский язык мы считаем «в сторону...» (поскольку данное сочетание обозначает движение субъекта в сторону чего / кого-либо) и выделяем их следующие семантические типы:

1) **имена персонажей – богатырей:** *Хан Мирген, алыптарны көре, ойлат килip, / Хан поэырах аттың үстүндө* [18, с. 44] ‘Хан Мирген на царском рыжем коне скачет в сторону богатырей’¹. *Анаң айланып, Хулатай / Ызүт Арыгны көре пас килдi* [18, с. 61] ‘Затем

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык – авторские.

повернувшись, Хулатай / подошёл **в сторону Узут Арыга**. *Пурнын чогар тудып, / Чил Хара Хысты көре нас киліп, / Пис салаазын сырбайтып: / – Изен ме, минді бе, Алган чабазым, Чил Хара Хыс, – тидір* [18, с. 82] ‘Здравши нос, / Подойдя ближе к Чил Хара Хыс, / [Свои] пальцы растопылив, / – Ну, здравствуй, [Моя] суженая смиренная Чил Хара Хыс, – говорит’. *Изірігі улуг Ызут Арыг, / Албынчыны көре, нас килді* [18, с. 118] ‘Сильно пьяная Узут Арыг / Подошла **в сторону Албынчы**’. Обычно в тексте подобные предложения описывают начальные стадии контактов богатырей, которые могут носить добрый, приветливый или же враждебный характер. Описания подобных контактов могут включать:

а) вопросы, реплики-угрозы: *Мынча чыыл парган алыптар, / Хулатайны кем көрген, / Көрген кизи пар полза – табырах сөлебис, / Табырах чоохтабыс! – тіп кили, – / Мыннаң чидер ползам, пу хылыснаң / Парчаңарның пазын кизе саап парыбызам!* [18, с. 44] ‘Столько собравшиеся богатыри, / Кто видел Хулатая, / Если кто-то видел, – скажите быстрее! – / Крича скачет (на коне), – / Иначе сейчас же доберусь, и этим кинжалом / Вам всем головы отрублю!’;

б) какие-либо действия богатырей. *Ызут Арыгны чара тартып, / Час орай паланы / Хулатай тудып алган* [18, с. 61] ‘Отбросив Узут Арыг в сторону, / Хулатай взял на руки младенца’;

в) приветствия друг друга. *Изен ме, минді бе, иркем-кинчем / Албынчы, – тіп турадыр* [18, с. 118] ‘Здравствуй, мой братишка Албынчы, – говорит’. Следует отметить, что в фольклорных текстах приветствие обычно выражается парными сочетаниями: *изен ме, минді бе; изен-минді; изеннезерге-минділезерге*, которых следует считать синонимами. Хакасское приветствие при встрече (*изен*), которое по сути и есть пожелание здоровья, встречается и в некоторых тюркских языках, например, в шорском и алтайском (*эзен*), в татарском (*изәнме(сез)*). Однако приветственная лексема *минді*, относящаяся к монгольским заимствованиям, в хакасском языке является архаизмом и сохранилась только в фольклорных текстах. В тувинском языке, «в отличие от других его тюркских соответствий, отразилась многозначность его монгольского прототипа. Кроме того, тувинским языком заимствованы и некоторые производные формы: *мендиле*– “приветствовать”; *ср. монг. mendüle*–» [19, с. 102-103];

Нам встретился также пример, где в качестве объекта с послелогом *көре*, используется имя богатырши в сочетании с лексемой *пала* «ребёнок», поскольку это есть обращение матери к своей дочери: *Хан Чачах палазын көре, / Читіре пастыр киліп, чоохтап тур: / – Иркем-кинчем, Хан Чачах, хараагы түнде / Хайдар син ойлап чөргезің?* [18, с. 104] ‘Подойдя к [своему] ребёнку, Хан Чачах / Говорит: / – Душа моя, Хан Чачах, тёмной ночью / Куда ты бегала?’.

2) белая ханская юрта. Описание ханской юрты обычно передаётся устойчивым сочетанием *ах өрге иб* «белая ханская юрта». Лексема *өрге* в хакасском языке считается устаревшей и чаще употребляется в фольклорных текстах. В Хакасско-русском словаре дается такое толкование: «уст. дворец; замок; юрта хана; ставка хана; *ах өрге фольк.* белая ханская юрта; *ах кииснең чапхан ах өрге фольк.* покрытая белым войлоком ханская юрта; *алты азыр настыг ах өрге фольк.* шестиглавый ханский дворец» [5, с. 327]. Примеры: *Хан Мирген {...} / Ах өрге ибін көре, ырын ырлап, / Көгін көглен нас парчададыр* [18, с. 67] ‘Хан Мирген {...} / **В сторону [своей] белой ханской юрты**, напевая песни, / Идёт в радужном настроении’. *Сүмекчин, сыгара ойлап, / Алтын Арыг хыстың ах ибін көре килді* [18, с. 90] ‘Слуга, выбежав, / Пришла в сторону белой юрты девушки Алтын Арыг’.

Отметим, что в хакасских фольклорных текстах ханская юрта может обозначаться и как *ах пайзаң иб* «сказочно-красивая юрта – дворец (юрта хана, правителя племени); *улуг аалның ортызында ханның-пигнің ах пайзаң ибi турча* посередине большого села стоит великолепный дворец хана» [5, с. 338]. В тексте же героического сказания «Албынчы» использование данного словосочетания не замечено;

3) населённый пункт (*аал* «деревня»). В Хакасско-русском словаре толкование данной лексемы представлена как: «*аал* село, селение; населённый пункт; *аал; улус* // сельский; *аал азагы* окраина села; *конец села; аал пазы* начало села; *аалдаң городсар* из села в город; *аалдаң агылах* в стороне от населённого пункта; *Катанов аалы улус* Катаново; *аал клубы* сельский клуб; *аал малы* скот, принадлежащий жителям села; *аал Чөбі* сельский Совет; *аал хониш* сельское хозяйство; *аал хониш техниказы* сельскохозяйственная техника» [5, с. 17]. Лексические эквиваленты лексемы *аал* действуют и в других тюркских языках (*аул, аил, айыл* и др.) и параллельно в

монгольском языке (*ajil*). В фольклорных текстах лексема *аал*, как правило, употребляется в сочетании с прилагательных *улуз* «большой» – *улуз аал* «большой аал; большая деревня». В героическом сказании «Албынчы» приближение богатырей к деревне почти всегда подразумевается как спуск с горного хребта, откуда, как на ладони, виден большой населённый пункт. Исключение составляет лишь предложение: *Албынчы улуз аалны көре килчетсе, хара тас иб турча* [18, с. 117] ‘Когда Албынчы шёл **в сторону большого аала**, [увидел], стоит чёрная юрта’.

Спуск героев с горного хребта обозначается сложным глаголом *ин түс-* «спускаться»: *Икі тас улуз аалны көре ин түстілер*, / *Хан-пигиң ах өрге ибине читтілер* [18, с. 89] ‘Две слуги спустились **в сторону большого аала**, / Добрались к белой ханской юрте Хан-пига’. Иногда спуск с горы эксплицируется сочетанием *Тастыг сыннаң индіре* «вниз по Каменному хребту»: *Икі пала Тастыг сыннаң индіре*, / *Улуз аалны көре, ойлаза түскеннер* [18, с. 62] ‘Два мальчика вниз по Каменному хребту / Побежали **в сторону большого аала**’. А в следующем предложении прослеживается пространственное направление героев в цепной связи мотивов: гора – большой аал – ханская юрта: *Ах хуу тайағын тайанып*, / *Аалны көре ин түскен*. / *Улуз аалны аралы килді*, / *Ах өргее чидіп, кіріп килді* [18, с. 95-96] ‘Опираясь на [свой] посох в форме белого лебедя, / Спустился **в сторону аала**. / [Он] шёл через большой аал, / Дойдя до белой ханской юрты, зашёл’;

4) гора, хребет (сын). В хакасском языке имеется несколько наименований горных возвышенностей: *таг* «гора», *хыр* «горный хребет, холм», *төң* «бугор, холм», *тигей* «сопка». Однако, как свидетельствует наш материал, в героическом сказании «Албынчы» используется только лексема *сын* «1) горный хребет; *пөзік сыннар* высокие горные хребты; 2) перевал; *ср. нил I; сын азарга* перевалить через перевал» [5, с. 551]. Как видим, семантическая структура лексемы *сын* значительно отличается от содержания перечисленных синонимичных слов, и, как перевал, она может ассоциироваться со стеной (границей) между разными мирами. Н. С. Майнагашева пишет, что «гора выступает своего рода границей между “своим” и “чужим” пространством. За горой же – неизвестность, опасность, “чужая” территория – в хакасском и шорском языках звучит как *аархы чир* “дальняя сторона”, “противоположная сторона”. В противоположной стороне горы/хребта сама природа не такая, как на земле богатыря» [20, с. 20]. В нашем случае описывается возвращение богатырей из походов в чужие земли и иные миры. Гора (*Тастыг сын* «Каменный хребет», *Кирім сын* «гора Кирим») является обозначением границ родной земли богатыря, здесь он находится дома, на своей земле, значит, в кругу своей семьи, в безопасности. *Аттаң чазаг Албынчы Аргал чонын аралы*, / *Тастыг сынны көре, айлан килчедедір* [18, с. 107] ‘Пеший (без коня) Албынчы среди трудового народа, / Возвращается **в сторону Каменного хребта**’. *Ах ой аттыг Алтын Теек*, / *Алты ханаттыг ах ой атха алтанып*, / *Тастыг сынны көре, айланып килчедедір* [18, с. 108] ‘Алтын Теек (букв. Золотой Теек) с бело-сивым конём / Сев верхом на бело-сивого коня, / Возвращается **в сторону Каменного хребта**’. Действительно, для главного героя, Албынчы, *Тастыг сын* «Каменный хребет» является главной точкой на земле, олицетворением пространства, где находится его родной дом (*ах өрге иб*), народ (*арга чон*) и скот, заполняющий бескрайние поля (*чазаа толдыра мал*). И это упорядоченное социальное устройство героически защищает богатыря от внешних врагов. Таким образом, *Тастыг сын* «Каменный хребет» – это грань, отделяющая свой мир от чужого. Между тем, сестрёнка Хулатая, Алтын Коок, бежит в сторону горы (*Кирім сын*), встречая брата Хулатая из походов на чужие земли: *Алтын Кёёк хыс туңмазы* / *Чир идегін түре тудынды*, / *Ах өрге ибдең сыгып*, / *Кирім сынны көре, ойлап кили* [18, с. 13] ‘[Его] сестрёнка Алтын Коок (букв. Золотая Кукушка), / В руках свернула [свой] подол, (который до земли), / Выходя из ханской белой юрты, / побежала в сторону **горного хребта Кирим**’. Однако брат Хулатай (впоследствии отец Албынчы) на этой горе в наказание за свои злодеяния на чужбине вдруг превратился в синий камень, а его богатырский конь – в белый камень. Далее изображаются его грабительские войны и жестокие покорения народов чужих ханств, за что его навечно проклинал народ: *Көп нименің тынын үстір*, / *Көп алыптың ханын чайтыр*. / *Өкіс хулунны ат өскірбеендір*, / *Өкіс олганны ир өскірбеендір* [18, с. 14] ‘Многих умертвил, оказывается, / Кровь многих богатырей пролил, оказывается. / Сироте – жеребёнку не дал вырасти конём, оказывается / Сироте – ребёнку не дал вырасти мужчиной, оказывается’. Алтын Коок же всегда выступала мудрой советчицей своего брата,

призывала его «... быть добрым к людям, помогать бедным, принять на себя их мученическую долю» [3, с. 84];

5) **земля, местность, направление (чир)**. В хакасском языке лексема *чир* многозначна: 1) Земля; *Чир* – планета Земля – планета; *Чирнің спутнигі* спутник Земли; *Чир Күн ибірче* Земля вертится вокруг Солнца; 2) земля, мир, вселенная, земной шар; *чир үстү* а) земная поверхность (поверхность земли); б) мир, вселенная; *чир үстүнде амыр хонных ползын* пусть будет мир во всём мире; 3) земля // земляной; суша; *самолёттаң чирге түзгерге* с самолёта спуститься на землю; *чирдең чоғар көдірілерге* подниматься вверх от земли; {...}; 4) земля, почва, чернозём; верхний слой земной коры; земная кора; *сыхтыг чир* влажная земля; *хара чир* а) чёрная земля; б) чернозём; {...}; 5) земля, территория с угодьями, земельные угодья; *наа чирлер* целинные земли; {...}; 6) место, местность, край, сторона, территория, пространство; *тағлыг чир* горная местность (край, сторона); *туюх чир* а) глухая местность (глушь); б) укромное место; место, защищённое от ветров; *тынанчаң чир* место отдыха; {...}; 7) местность, место, родина, отчий дом, страна; *ср. чир-суг*; *кізі чирі* чужие места; *пос чирі* родина, родные места; {...}; 8) место; *кирек чирде* там, где нужно (в том месте, где нужно); *одырган чирде* в том месте, где сидели; {...}; 9) пол; *чирде чатпа* не лежи на полу; {...} [5, с. 969-970]. Один из самых частотных значений лексемы *чир* «земля» указывает на «место; местность», например, *Парар чир пар* 'Есть место куда я могу идти'. *Анда одырчаң чир пар ба?* 'Есть ли там место, где можно сидеть?' *Кип-азагы үс чирде тағыралтыр* '[Его] одежда, оказывается, заштопана в трёх местах'.

В сочетании с послелогом *көре* лексема *чир* используется в значении «местность, место, родина, отчий дом, страна»: *Алтын Теектің чирін көре*, / *Хан поэырах ат анда ойлап парыбысхан* [18, с. 45] 'В сторону земли Алтын Теека, / Помчался густо-игренивый конь'. *Ах Ханның чирін көре*, / *Халын тайганы аралы* / *Чир тогырынаң чөр сыхты* [18, с. 33] '[Он] держит путь / Сквозь непроходимую тайгу / В сторону земли Ах Хана'.

Далее в тексте героического сказания описывается, как перед взором примчавшегося на родину Алтын Теека на густо-игренивом коне Хан Миргена встают привычные символы родины богатыря: *Аргалыг ах сын* «Скалистый белый хребет», *улуғ аал* «большой аал», *ах өрге иб* «белая ханская юрта». *Кире ойлап килзе*, *Хулатай Алтын Теекнең* / *Алтын стол кистінде*, *арага ізін*, / *Изір парыбысхан одырчададырлар* [18, с. 45] 'Когда (Хан Мирген – М. Ч., А. К.) забежал внутрь (белой ханской юрты – М. Ч., А. К.) / Хулатай с Алтын Тееком / Выпивая араку за золотым столом, / Сидят опьяневшие'.

Чаше в богатырском сказании лексема *чир* в сочетании с конкретизирующими лексическими элементами указывает на пространственное направление движения богатыря. В хакасском языке при учёте ориентации в пространстве по солнцу используются словосочетания *күн сыгызы* «восход (солнца)», *күн кірізі* «заход (солнца)», *күн хыызы* «солнце в зените», которые при сочетании с лексемой *чир*, выступают в роли определения: *Албынчы пір сілігінібіскен*, *хуу пүүр полып*, / *Күн кірізі чирні көре*, *чортыр парыбысхан* [18, с. 115] 'Албынчы встряхнулся и превратился в серого волка, / И побежал в сторону захода солнца'. *Хара түлгү полып* *Хара Нинчі*, / *Хара пүүр полып Очы Сарыг*, / *Күннің кірізі чирні көре*, *ойлап парыбысханнар* [18, с. 103] 'Хара Нинчи, превратившись в Чёрную Лису, / Очы Сарыг, превратившись в Чёрного Волка, / Побежали в сторону захода солнца'. Однако нами обнаружен один пример, где в выражении значения «в сторону захода солнца» опускается лексема *чир*: *Хадарган малны*, *чонны*, / *Күннің кірізіне көре*, *сұр парыбыстылар* [18, с. 112] 'Народ, и скот, которого пасли, / Оказываются, угнали в сторону захода солнца'. Отличительной особенностью рассматриваемого выражения в данном предложении также является то, что послелог *көре* согласуется с *күннің кірізі* не в винительном падеже, а в дательном.

Ориентация в пространстве по солнцу, в частности, «восток; восход», может также выражаться как *күннің чир* букв. 'солнечная земля': *Хара хула ат*, *күннің чирні көре*, *үкүс салды* [18, с. 70] 'Вороной конь помчался в сторону восхода солнца (букв. солнечной земли)'.

Выражения типа *күннің кірізі чирні көре*, *күннің чирні көре* подразумевают движение субъекта в сторону горизонта вплоть до исчезновения его из виду, о чём свидетельствуют дальнейшие описания: *Хара хула аттың хузуругы*, / *Хайзы-хайзы чирде чайылып*, *чїт чөрібісті*, / *Хулатайның чарыны*, *хайзы-хайзы чирде*, / *Чалбайып*, *чїт парыбысты* [18, с. 70] 'Хвост во-

роного коня, / Далеко-далеко, раскидываясь, исчез, / Спина Хулатая далеко-далеко вдали, / Широко выделяясь, исчезла'. Семантика данного предложения предполагает заглазных участников процесса – тех, кто остаётся на родине и, провожая героя, смотрит ему вслед, с позиции которых исходят интерпретации типа *хайзы-хайзы чирде* «далеко-далеко», *чѣт парыбысты* «исчез из виду» и т. д.

Также подобные выражения со значением «движение в сторону горизонта» обозначают расставание героев с родиной и движение в сторону чужбины: *Чирѣ пасха суга сабылган*, / *Суу пасха суга сабылган*, / *Тѣңіс талай суга сабылган* – / *Тѣңіс талай сугың хыри чирде* / *Чуртабааннар полтыр*. / *Аннаң андарох иртѣп парыбыстырлар* [18, с. 115] 'Помчался к земле чужой реки, / Помчался к реке чужой земли, / На берегу широкой реки, / Оказывается, никто не жил, оказывается, / Поэтому помчались мимо вдаль, оказывается'.

Помимо перечисленных типовых употреблений послелога *кѣре*, нами обнаружены и единичные сочетания с именами различной семантики. В нижеследующих предложениях имеются указания движений субъекта в сторону конкретных предметов и явлений:

А. *Ах палых, кир палыхты кѣре, пазох килѣп одыр* [18, с. 72] 'Нельма опять плывѣт в сторону огромной рыбы'. Прилагательное *кир* в сочетании с зооморфизмами встречается лишь в фольклорных текстах, что подтверждается его словарным толкованием: *кир* «огромный»; *кир палых фольк.* «сказочная рыба (больших размеров)»; *кир пуга* «огромный сказочный бык»; *кир чылан* «царь-змей, огромный змей» [5, с. 168].

Б. *Алтын чечпенѣ кѣре пас килѣп*, / *Алтын чечпедѣ палгап салган* / *Хара хула атты систѣп турадыр* [18, с. 10] 'Подойдя в сторону золотой коновязи / Отвязал вороного коня, / Привязанного на золотую коновязь'. Фрагмент традиционной модели мира кочевников – конь, привязанный на золотой коновязи (*алтын чечпе*) возле юрты, – является обязательным мотивом героических сказаний (и не только хакасов), например, *Алып ах ой ат алтын чечпедѣ палгал парган тур (фолькл.)* 'Бело-буланный богатырский конь стоит на привязи у золотого столба (коновязи)' [5, с. 961].

В. *Хан Мирген андада, турып*, / *Кѣзеңенѣ кѣре пас килген* [18, с. 34] 'Тогда Хан Мирген, встав, / Подошѣл к занавесу'. Описываемый эпизод в героическом сказании «Албынчы» интересен тем, что Хан Мирген за занавесом находит красный камень с записью, которую читает вслух: *Хан Мирген, таплада танып*, / *Тадырада хыгыр тур*: / – *Чалбай турган чирнѣң ѳстѣнде*, / *Чарып турган тигѣрнѣң алтында* / *Хулатайның хатынча сѣлѣг нѣме чогыл...* [18, с. 34] 'Хан Мирген, сразу понял (в чѣм дело) / И читает громко вслух: – На этой необъятной земле / Под сияющим синим небом / Нет никого красивее жены Хулатая'. Исходя из данного факта, можно предполагать, что и в глубокой древности наши предки имели письменность и были грамотными.

Г. *Чарых Кѣѣк хыс*, *ат пазынча кѣѣк хус полып*, / *Тигѣр паарын кѣре*, *кѣдѣрѣл парыбысты* [18, с. 29] 'Девушка Чарых Коок (букв. Светлая Кукушка), превратившись в кукушку величиной с лошадиную голову, / поднялась в лоно неба (букв. в печень неба)'. Мы предполагаем, что в данном случае словосочетание *тигѣр паары* (букв. печень неба) используется в целях подчѣркивания величия и необъятности неба, куда поднимается богатырша Чарых Коок, обладающая способностью превращаться в кукушку величиной с лошадиную голову. Она же «чудесным образом возвращает жизнь погибшему Албынжы и его друзьям для продолжения борьбы со злыми силами» [3, с. 84-85].

Д. *Албынчы Ызѣт Арыг ѳчѣзѣн*, / *Хара талай сугы кѣре*, *сѣзѣр кили* [18, с. 118] 'Албынчы [свою] маму Узѣт Арыг, / тащив в сторону Чѣрной морской реки'. В хакасских фольклорных текстах часто встречается описание ландшафта с использованием эпитетов: *ах талай* «букв. белое море», *хара талай* «букв. чѣрное море», *тѣңіс талай суг* «букв. большая морская вода (река)», *хара талай суг* «букв. чѣрная морская вода (река)», например, *Ах талайның хазында*, *Ах хайаның тѣзѣнде* *Ах хан апсах чуртаптыр (фолькл.)* 'На берегу белого моря, / На подножье белой скалы / Старик Белый Хан жил, оказывается'. В. Е. Майногашева выражение *тѣңіс талай суг* переводит как «большое море»: *Тѣңіс талай суга кѣрѣп ѳлерге хынмин тур* 'Не желает утопиться в большом море' [3, с. 86]. Однако, как известно, географическое расположение Саяно-Алтая не предусматривает морей и даже относительно больших рек, а перечисленные выше эпитеты, на наш взгляд, используются для гиперболизации сказочных образов. В словосочета-

нии *хара талай суз* существительное *талай* «море» приобретает новое значение «огромный, большой, величественный» и выступает в роли определения (субстантива). Следует также отметить, что слово *талай* в значении «море» встречается только в сибирских тюркских языках и в киргизском языке. Наличие его эквивалента в монгольском языке: «*далай* 1) океан; море; большое озеро; *Атлантын далай* Атлантический океан; *Байгаль далай* озеро Байкал, Байкал – море {...}» [21, с. 660] даёт основание предполагать, что данное слово является монгольским заимствованием.

Закключение

Таким образом, мы рассмотрели семантико-функциональные особенности послелога *кӖре* в сочетании с именами пяти типовых семантик, а также его единичные сочетания с именами различной семантики. Считаем, что глагол *кӖр-* «смотреть; видеть», выступая в роли послелога (имеющего форму деепричастия, образованного посредством присоединения к его основе аффикса *-а*), лишь частично теряет перцептивный аспект. А. Д. Каксин пишет: «Мышление древних было по преимуществу пространственным, и это обстоятельство достаточно явно отражено в формах, словах праязыков, дошедших до наших дней. Оно основывалось на результатах преимущественно зрительного восприятия. И в кругу самых древних слов “отыскивается” и слово, обозначающее орган зрения» [22, с. 353].

В отличие от наиболее частотных хакасских послелогов *саринзар*, *алдыра*, *хыринзар*, *кире* и т. д. со значением пространственного направления, в семантике послелога *кӖре* присутствуют компоненты «нацеленность субъекта на какой-либо объект» и «движение субъекта». Употребление данного послелога в тексте героического сказания «Албынчы» специфично в том плане, что он: а) согласуется с именами в форме винительного падежа (а не дательного падежа, как отмечается в ХРС); б) указывает на направление движения субъекта (а не уподобительные и причинно-следственные отношения, как отмечается в Грамматике хакасского языка). Данный факт подтверждается тем, что во всех предложениях процесс выражается глаголом со значением движения.

Литература

1. Майнагашева Н. С. Алыптыг ныхах: культурологический аспект в современной системе образования и воспитания // Хакасский героический эпос: история и современность: материалы Республиканского научно-практического семинара, посвящённого 75-летию ХакНИИЯЛИ (г. Абакан, 23 мая 2019 г.). – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2019. – С. 85-98.
2. Кадышев С. П. Албынжи: хакасское героическое сказание / Сост. В. И. Доможаков, Д. И. Чанков. Лит. пер. И. С. Кычакова. – Абакан: Хакасское областное гос. изд-во, 1951. – 110 с.
3. Майнагашева В. Е. О народности основы героического сказания «Албынжи» // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 4. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1956. – С. 78-89.
4. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка: Т. 3: К, Л. 2-е изд., доп. – Новосибирск: Наука, 2004. – 440 с.
5. Хакасско-русский словарь: Хакас – орыс сӱстӱгӱ / Сост. О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков и др. Под общ. ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
6. Чертыкова М. Д. Реализация признака «направление взгляда» в семантике хакасского глагола *кӖр-* «смотреть, видеть» // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. Вып. 4. № 4. – С. 145-154.
7. Чертыкова М. Д. Лингвокогнитивная структура перцептивного события (на примере хакасского глагола *кӖр-* «смотреть, видеть») // «Sözüm munda qalır, barır bu özüml...». Scripta in memoriam D. M. Nasilov / Отв. ред. Е. А. Оганова. – М.: Изд-во МБА, 2019. – С. 305-313.
8. Чертыкова М. Д. Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением восприятия и их лексических соответствий в других тюркских языках. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2019. – 160 с.
9. Орсулова Т. Е. Пространственные послелоги в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики: сб. науч. тр. / Под ред. Л. Н. Тыбыковой. – Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова; Горно-Алтайский государственный университет, 2002. – С. 131-154.
10. Башбуг Ф. Особенности послеложных конструкций в чулымском языке // Научный диалог. – 2017, № 5. – С. 9-20.

11. Султанбаева Х. В. К вопросу о происхождении служебных частей речи в тюркских языках // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. Вып. 12. – С. 125-128.
12. Грамматика современного алтайского языка. Морфология / Отв. ред. И. А. Невская; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск: БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2017. – 576 с.
13. Турецко-русский словарь / Сост. А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева, А. А. Кямилаева и др. – М.: Русский язык, 1977. – 966 с.
14. Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Л.: Наука. Ленинградское отд-е, 1969. – 676 с.
15. Чугунекова А. Н. Категория пространства в хакасском языке. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2019. – 160 с.
16. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. – 420 с.
17. Кирбижекова У. Н., Коков И. Ф. Хакасская литература для 4 класса / Ред. А. А. Балганова. – Абакан: Хакаское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1977. – 140 с.
18. Албынчы. Алыптыг нымых. – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2018. – 126 с. (на хакасском яз.)
19. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 4: М, Н, О, Ө, П. – Новосибирск: Наука, 2008. – 442 с.
20. Майнагашева Н. С. Отражение национального образа мира в эпосе хакасов и шорцев // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2017, № 4 (8). – С. 17-28. doi: 10.25587/SVFU.2017.4.8693
21. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: ACADEMIA, 2001. – 2007 с.
22. Каксин А. Д. Модель восприятия пространства у ханты: данные языка // Человек и Север: Антропология, археология, экология: материалы Всероссийской научной конференции (г. Тюмень, 2-6 апреля 2018 г.). – Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2018. – С. 352-355.

References

1. Mainagasheva N. S. *Alyptyg nymakh: kul'turologicheskii aspekt v sovremennoi sisteme obrazovaniya i vospitaniya* [Alyptykh nymakh: cultural aspect in the modern system of education and upbringing]. In: *Khakasskii geroicheskii epos: istoriya i sovremennost': materialy Respublikanskogo nauchno-prakticheskogo seminar (g. Abakan, 23 maya 2019 g.)* [Khakas heroic epic: history and modernity: materials of the Republic Scientific and Practical Conference (Abakan, May 23, 2019)]. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2019, pp. 85-98.
2. Kadyshchev S. P. *Albynzhi: khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albynzhi: khakas heroic legend]. Sost. V. I. Domozhakov, D. I. Chankov. Lit. per. I. S. Kychakova. Abakan, Khakasskoe oblastnoe gos. izd-vo, 1951, 110 p.
3. Mainagasheva V. E. *O narodnosti osnovy geroicheskogo skazaniya "Albynzhi"* [On the nationality of the foundations of the heroic legend "Albynji"]. In: *Uchenye zapiski KhakNIYaLI. Vyp. 4* [Scholarly notes of Khakas Research Institute of Language, Literature and History. Iss. 4]. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 1956, pp. 78-89.
4. Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka: T. 3: K, L* [The etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. 3: K, L]. 2-e izd., dop. Novosibirsk, Nauka, 2004, 440 p.
5. *Khakassko-russkii slovar': Khakas – orys söstigi* [Khakas-Russian dictionary]. Sost. O. P. Anzhiganova, N. A. Baskakov, M. I. Borgoyakov i dr. Pod obshch. red. O. V. Subrakovoi. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.
6. Chertykova M. D. *Realizatsiya priznaka "napravlenie vzglyada" v semantike khakasskogo glagola kör- "smotret', videt'"* [Realization of the sign "line of sight" in the semantics of the Khakas verb kör- "see, look"]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2018. Iss. 4, No. 4, pp. 145-154.
7. Chertykova M. D. *Lingvokognitivnaya struktura pertseptivnogo sobytiya (na primere khakasskogo glagola köp- "smotret', videt'")* [Linguocognitive structure of a perceptual event (on the example of the Khakas verb kör- "see, look")]. In: *"Sözüm munda qalir; barir bu özüüm..."*. Scripta in memoriam D. M. Nasilov ["My word remains here, I myself am leaving". In memory of D. M. Nasilov]. Otв. red. E. A. Oganova. Moscow, Izd-vo MBA, 2019, pp. 305-313.
8. Chertykova M. D. *Semantiko-kognitivnaya kharakteristika khakasskikh glagolov so znacheniem vospriyatiya i ikh leksicheskikh sootvetstviy v drugikh tyurkskikh yazykakh* [Semantic and cognitive characteristics

of Khakas verbs with the meaning of perception and their lexical correspondences in other Turkic languages]. Abakan, Izd-vo KhGU im. N. F. Katanova, 2019, 160 p.

9. Orsulova T. E. *Prostranstvennye poslelogi v altaiskom yazyke* [Spatial postpositions in Altai language]. In: *Teoreticheskie voprosy altaiskoi grammatiki: sb. nauch. tr.* [Theoretical questions of Altai grammar]. Pod red. L. N. Tybykovoi. Gorno-Altaysk, Institut altaistiki im. S. S. Surazakova; Gorno-Altayskii gosudarstvennyi universitet, 2002, pp. 131-154.

10. Bashbug F. *Osobennosti poslelozhnykh konstruktov v chulymskom yazyke* [Peculiarities of postpositions in Chulym language]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2017, No. 5, pp. 9-20.

11. Sultanbaeva Kh. V. *K voprosu o proiskhozhdenii sluzhebnykh chastei rechi v tyurkskikh yazykakh* [On the origin of auxiliary parts of speech in Turkic languages]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2008, iss. 12, pp. 125-128.

12. *Grammatika sovremennogo altaiskogo yazyka. Morfologiya* [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. Otv. red. I. A. Nevskaya; BNU RA "NII altaistiki im. S. S. Surazakova". Gorno-Altaysk, BNU Respubliki Altai "Nauchno-issledovatel'skii institut altaistiki im. S. S. Surazakova", 2017, 576 p.

13. *Turetsko-russkii slovar'* [Turkish-Russian dictionary]. Sost. A. N. Baskakov, N. P. Golubeva, A. A. Kyamileva i dr. Moscow, Russkii yazyk, 1977, 966 p.

14. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otd-e, 1969, 676 p.

15. Chugunekova A. N. *Kategoriya prostranstva v khakasskom yazyke* [Space category in Khakas language]. Abakan, Izd-vo FGBOU VO "Khakasskii gosudarstvennyi universitet im. N. F. Katanova", 2019, 160 p.

16. *Grammatika khakasskogo yazyka* [Grammar of the Khakas language]. Pod red. N. A. Baskakova. Moscow, Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1975, 420 p.

17. Kirbizhekova U. N., Kokov I. F. *Hakasskaya literatura dlya 4 klassa* [Khakas literature for grade 4]. Red. A. A. Balganova. Abakan, Hakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo kn. izd-va, 1977, 140 p.

18. *Albynchy. Alyptyh nymakh* [Albynchy. Heroic legend]. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2018, 126 p.

19. Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka. T. 4: M, N, O, Ø, P* [The etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. 4: M, H, O, Ø, P]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 442 p.

20. Mainagasheva N. S. *Otazhenie natsional'nogo obraza mira v epose khakasov i shortsev* [Reflection of the national image of the world in the epic of Khakas and Shors]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University: Series Epic studies]. 2017, No. 4 (8), pp. 17-28. doi: 10.25587/SVFU.2017.4.8693

21. *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': v 4 t.* [The large academic Mongolian-Russian dictionary: in 4 vol.]. Otv. red. G. Ts. Pyurbeev. Moscow, ACADEMIA, 2001, 2007 p.

22. Kaksin A. D. *Model' vospriyatiya prostranstva u khanty: dannye yazyka* [Khanty space perception model: language data]. In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Tyumen', 2-6 aprelya 2018 g.)* [Man and the North: Anthropology, Archeology, Ecology: materials of the All-Russian scientific conference (Tyumen, April 2-6, 2018)]. Tyumen, Izd-vo Instituta problem osvoeniya Severa SO RAN, 2018, pp. 352-355.